

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию А.А. Черныха на тему:
«Антропологический принцип в русской философии во второй половине XIX века»,
представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии по научной
специальности 5.7.2. История философии

За без малого последние четыре десятилетия существенно выросло число работ по истории русской философии. Были фактически реабилитированы имена русских философов начала XX в. и русской эмиграции; переиздано большое количество источников по русской философии. Вместе с этим на периферию историко-философского интереса оказались отгеснены направления, которые были доминирующими в советской историографии, прежде всего, революционно-демократическое и материалистическое. Список посвященных им за последние годы исследований, в том числе диссертаций, не велик. Давно назрела необходимость осмыслить эти направления без старых идеологических штампов, чтобы заново вписать имена русских мыслителей в историю философии. Обращение Андрея Александровича Черныха к материалистической традиции в русской философии отчасти служит этой цели.

Непосредственным предметом диссертации является «антропологический принцип», обоснованный Н.Г. Чернышевским в статье, опубликованной в 1860 г. в журнале «Современник», и вызванная им дискуссия. Можно сказать, что в этом факте сошлись две особенности русской философии, отмечаемые большинством исследователей: антропологизм и публицистичность. В дискуссию в той или иной степени были вовлечены Н.А. Добролюбов, П.Д. Юркевич, М.Н. Катков, П.Л. Лавров, Д.И. Писарев, М.И. Сеченов. К сожалению, взаимная критическая переключка не переросла в диалог. Авторы оказались не готовы услышать аргументы оппонентов, что сделало саму полемику довольно бесплодной и, тем самым, предопределило ее довольно скромное место в истории русской мысли. Диссертант фактически в форме конспекта, постранично воспроизводит содержание текстов, в которых нашла отражения эта полемика. Внимательное, до вьедливости отношение к источнику позволяет Андрею Александровичу предельно точно воспроизвести основные положения «антропологического принципа», который включает материалистическую антропологию и гносеологию, принцип «партийности», проблему идеального и этическое учение. Максимальная приближенность диссертационного исследования к источнику практически не оставляет зазора между текстом и его пересказом для интерпретации и тем самым лишает оппонента пространства для критики. По этой причине выскажу замечания общего характера, изменив историко-философскую оптику.

История русской философии знает не мало дискуссий, значение которых выходило далеко за пределы обмена мнениями или отстаивания своей точки зрения. Достаточно указать на споры иосифлян и нестяжателей на рубеже XV–XVI веков или полемику западников и славянофилов в 40-е – 50-е годы XIX в. Последствия некоторых дискуссий были скромнее, например, между Софронием Лихудом и митр. Стефаном Яворским в начале XVIII в. или полемика о признаках «чужой одушевленности», спровоцированная А.И. Введенским в конце XIX в. Надо признать, что полемичность – это нормальное состояние для развития философии, как и научного знания в целом. Обращаясь к реконструкции той или иной дискуссии, воспроизводя аргументы сторон, надо отдавать отчет в том, с какой целью реанимируются старые споры. Возможно, полемика не нашла должного отражения в историографии, хотя в свое время она оказала заметное влияние на развитие науки (например, дискуссии, вызванные публикацией работ К. Бэра в середине XIX в. и спор о достоверности истории, спровоцированный статьей С.С. Уварова). Может быть, спорящие стороны и современники упустили важные моменты, значение которых было признано много позднее. Возможно, требуется переоценка полемики, которая должна скорректировать ее место в истории философии и т.п. Из диссертации, к сожалению, не видно, с какой целью автор воскрешает позапрошловекую спор. Точнее, диссертант сознает необходимость переосмысления и переоценки полемики вокруг «антропологического принципа», но отказывается лишь от тех интерпретаций и оценок, которые закрепились в современной историографии. Он фактически, можно сказать по рецепту диалектического отрицания отрицания, возвращается к формулировкам советской историографии. В диссертации есть попытки обозначить позиции спорящих сторон, например, М.Н. Каткова и Н.Г. Чернышевского, как кантианца и гегельянца, или П.Д. Юркевича и Н.Г. Чернышевского, как дуалиста и мониста. Однако итоговые оценки все равно сводятся к противостоянию материализма и идеализма. Подобная ретро-методология несколько удивляет. Нужно ли повторять то, что уже было много раз сказано, последствия обнародованы и экзегетические перспективы исчерпаны? При этом конспективный стиль самой диссертации ничего не прибавляет к прежним оценкам. Если добавить в тексте ссылки на К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и решения партийного съезда, то можно было бы подумать, что диссертация написана лет сорок назад.

Диссертация не просто посвящена полемике, она вся дышит агонией, который заметно потесняет исследовательскую сторону. Создается впечатление, что Андрей Александрович герменевтически вживается в старую дискуссию, защищая Н.Г. Чернышевского от нападков его критиков. Текст диссертации порой напоминает речь адвоката. Более того, в полемическом запале он выбирает объект уже для своей собственной

критики, которым становится книга В.К. Кантора «“Срубленное дерево жизни”. Судьба Николая Чернышевского» (2016). Фактически, два параграфа диссертации почти полностью посвящены опровержению точки зрения В.К. Кантора. Можно даже сказать, что в диссертации два главных персонажа: Н.Г. Чернышевский и В.К. Кантор, который, вероятно, мог бы быть в подлинном смысле оппонентом на этой защите. Мне кажется эта критика избыточной. По крайней мере, она могла бы ограничиться более емкими и лаконичными формулировками в разделе «Степень разработанности». Получается же, что диссертация начинается с традиционно-ритуального обзора историографии в вводной части и завершается страстным обличением современных исследований. Среди последних краткие инвективы достаются также С.С. Гусеву, А.А. Ермичеву и И.И. Евлампиеву. Должен признаться, что их формулировки мне представляются историко-философски обоснованными и продуманными. Прежде всего, здесь учение Н.Г. Чернышевского ставится в связь с позитивизмом, а его этика – с утилитаризмом. Против этого неоднократно в тексте выступает диссертант, однако не поясняет, в чем подход Н.Г. Чернышевского противоречит той версии позитивизма, которая во второй половине XIX в. завоевывала популярность в России. Например, на с. 81-82 Андрей Александрович тезисно формулирует концепцию Н.Г. Чернышевского: «1) естественные науки лежат в основе и антропологии, и философии природы; 2) естествознание доказывает, что человеческий организм устроен не дуалистически, а монистически; 3) философия обобщает достижения наук и утверждает, что в человеке есть лишь одна натура, так как другие натуры никак себя не проявляют». Должен заметить, что ни один из озвученных пунктов не противоречит аксиоматике позитивизма. По крайней мере, из признания в позитивизме приоритета естествознания в познании мира, вполне можно прийти к тезисам Н.Г. Чернышевского. Противопоставление революционно-демократического и материалистического учения Н.Г. Чернышевского позитивизму идет из советской историографии, у истоков которой стояла критика В.И. Лениным русских последователей так называемого второго позитивизма (эмпириокритицизма). На рубеже XIX–XX веков позитивизм выступал явным конкурентом марксизма, претендуя на то, чтобы быть научной философией и философией естествознания. Опровержение и дистанцирование от позитивизма было необходимо марксистам, чтобы устранить возможный альтернативный взгляд на науку. В советской историографии предпочтение отдавалось материалистической и революционно-радикалистской традициям, поэтому Н.Г. Чернышевского допускалось трактовать исключительно как представителя этих направлений. Едва ли стоит на веру воспроизводить «общие места» советской историографии, не пытаясь за пределами партийных споров

сопоставить материалистическую позицию Н.Г. Чернышевского с позитивистской программой и близкими к нему естественно-научными подходами.

Принцип партийности, провозглашенный Н.Г. Чернышевским, вошел в основоположения советского обществознания. Его реабилитация в диссертации, представляется не совсем уместной для философии. Все же партийность – это вне философский критерий. Опыт советской философии наглядно показывает, что его применение приводит к социологизации историко-философского процесса, упрощенным оценкам и игнорированию тех учений, которые трудно вписать в заданную схему.

Едва ли стоило в диссертации следовать журналистской манере Н.Г. Чернышевского, поскольку исследовательский историко-философский нарратив отличается от допустимых в медийном дискурсе стандартов. Н.Г. Чернышевский, как известно, часто был вынужден, как тогда говорили «гнать строку», поскольку размер гонорара зависел от объема текста, поэтому статьи редактора «Современника» сильно отдают графоманством. Диссертационному исследованию в большей степени следует концентрироваться вокруг проблемы, которую следует удерживать на протяжении всего изложения. Полемичность не редко придает исследовательскому тексту эмоциональный характер, превращается в спор о словах, вместо того чтобы писать по существу.

Большинство разделов диссертации были ранее опубликованы Андреем Александровичем в виде статей, поэтому для специалистов его взгляд на «антропологический принцип» в русской философии был известен. При включении статей в текст диссертации в качестве параграфов имело смысл их немного переструктурировать, чтобы избежать повторов. Например, полемика Н.Г. Чернышевского с П.Д. Юркевичем излагается не только в соответствующем параграфе, но и в разделе о И.М. Сеченове. И такие повторы не единичны.

Наиболее уязвимой частью большинства диссертаций является историография вопроса. Андрей Александрович, безусловно, внимательно отслеживал историко-философские исследования, посвященные материалистическому направлению в русской философии. Однако помимо нее в отечественной гуманитарной науке сложилась богатая литературоведческая традиция изучения Н.Г. Чернышевского, которая отличается вниманием к культурному и историческому контексту, бережнее относится к историческим и литературным фактам, обращена к архивному наследию. На эту традицию диссертант, к сожалению, ориентировался в меньшей степени. Укажу только на один пример. Автором трех монографий о Н.Г. Чернышевском является Юрий Константинович Руденко – блестящий исследователь и основатель кафедры истории западноевропейской и русской культуры в институте истории СПбГУ. Пожалуй, в университете Ю.К. Руденко надо

признать наиболее крупным специалистом по Н.Г. Чернышевскому, но в диссертации он вовсе не упоминается.

В целом замечания носят общий характер и не подвергают сомнению ценность и оригинальность проведенного А.А. Черныхом исследования. С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации А.А. Черныха на тему: «Антропологический принцип в русской философии во второй половине XIX века» соответствует специальности 5.7.2. История философии 5.10.1.

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета Доктор философских наук, профессор, профессор

А.В. Малинов

14 февраля 2024 г.